

На правах рукописи

Воробьев Антон Николаевич

**Факторы осуществления коррупционных сделок в посткоммунистических
государствах Европы**

Специальность 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии (политические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Научный руководитель: доктор политических наук
Мусихин Глеб Иванович

Официальные оппоненты: доктор политических наук
Бусыгина Ирина Марковна, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

кандидат политических наук
Квон Даниил Андреевич, заместитель декана факультета «Социальный инжиниринг» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»

Ведущая организация: **ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)**

Защита состоится «25» октября 2016 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.048.08 на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по адресу: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, ауд. 309.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по адресу: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20 и на сайте: <http://www.hse.ru/sci/diss/>.

Автореферат разослан «__» сентября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор

Орлов Игорь Борисович

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования

В последние три десятилетия изучение коррупции в государствах, а также поиск способов ее сдерживания вызывает большой интерес среди представителей академического и экспертного сообщества, о чем свидетельствует непрерывно растущее количество публикаций. Среди причин, вызывающих внимание исследователей мы можем выделить несколько наиболее важных.

Первая заключается в неоднозначном характере коррупции: с одной стороны она способна ускорять процессы получения товаров и услуг¹, а с другой — приводить к снижению качества государственного управления, замедлению экономического роста, ухудшению человеческого капитала².

Неоднозначность характера коррупции приводит к отсутствию терминологического консенсуса, а также универсального понимания форм и последствий коррупции. В массиве существующей литературы³ по-прежнему недостаточно работ системного характера, обобщающих источники коррупции, объясняющих влияние источников на объемы и формы коррупции. Так, отдельные страновые кейс-стади не позволяют генерализовать выявленные результаты.

Ранее проведенные исследования⁴ вполне убедительно объясняют негативные последствия коррупции. Однако непроясненным остается

¹Kaufmann D., Wei S.J. Does «grease money» speed up the wheels of commerce? Cambridge: National Bureau of Economic Research, 1999. 29 p.

²Varvarigos D., Arsenis P. Corruption, fertility, and human capital // Journal of Economic Behavior and Organization. 2015. Vol.109. P.145–162; Ehrlich I., Lui F. Bureaucratic corruption and endogenous economic growth // Journal of Political Economy. 1999. Vol.107. № 6 PART 2. P.270–293; Gray C.W., Kaufmann D. Corruption and development // Finance and Development. 1998. Vol.35. № 1.P.7–10; Méon P.-G., Sekkat K. Does corruption grease or sand the wheels of growth? // Public Choice. 2005. Vol.122. № 1-2. P.69–97; Pellegrini L., Gerlagh R. Corruption's effect on growth and its transmission channels // Kyklos. 2004. Vol.57. № 3.P.429–456.

³Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 284 p; Political corruption: Concepts and contexts / подред. А. Heidenheimer, М. Johnston. New Brunswick: Transaction publishers, 2002. 3 ed. 970 p.

⁴Bliss C., Tella R. Di. Does competition kill corruption? // Journal of Political Economy. 1997. Vol.105. № 5. P.1001–1023; Bardhan P. Corruption and Development: A Review of Issues // Journal of Economic Literature. 1997. Vol.35. № 3.P.1320–1346; Correa H. A comparative study of bureaucratic corruption in Latin America and the U.S.A. // Socio-Economic Planning Sciences. 1985. Vol.19. № 1.P.63–79.

соотношение функциональности и дисфункциональности коррупции, ее место в системе общественных отношений.

Вторая причина заключается в постоянной адаптации форм коррупции к меняющемуся контексту. Новые формы коррупции требуют разработки новых форм противодействия, равно как и новых инструментов измерения. Эффективность первых определяется не только за счет уменьшения последствий коррупции, но и ее причин.

Отсутствие терминологического консенсуса затрудняет поиск причин и их каузальных связей с конкретными формами коррупции, а изменчивые формы коррупции затрудняют измерение. Общеизвестные инструменты измерения коррупции — Индекс Восприятия коррупции, Барометр мировой коррупции⁵, основанные на экспертной оценке, не отражают реальных объемов коррупции, а являются инструментом для привлечения внимания к проблеме⁶. Эта проблема субъективности измерений коррупции также находится в фокусе современных исследований коррупции⁷.

Третье основание актуальности данного исследования — практическое. Импорт успешного зарубежного опыта антикоррупционных реформ⁸ не всегда приводит к снижению коррупции⁹. Причины разных результатов одинаковых антикоррупционных мер остаются недостаточно изученными.

Четвертое основание связано непосредственно с недостаточной изученностью коррупции в посткоммунистических государствах, проходивших процесс транзита в 90-х годах XX века. Глубокие изменения социального,

⁵Transparency International. Corruption Perceptions Index [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org/research/cpi/overview> (дата обращения: 26.03.2016); Iidem. Global Corruption Barometer [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org/research/gcb/overview> (дата обращения: 26.03.2016).

⁶Hindess B. Investigating International Anti-corruption // *Third World Quarterly*. 2005. Vol.26. № 8.P.1389–1398.

⁷Mungiu-Pippidi A., Dadašov R. Measuring Control of Corruption by a New Index of Public Integrity. Berlin: Hertie School of Governance, 2016. 42 p.; Treisman D. The causes of corruption: a cross-national study // *Journal of Public Economics*. 2000. Vol. 76, № 3. P. 399–457; Idem. What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // *Annual Review of Political Science*. 2007. Vol. 10. P. 211–244.

⁸Rose-Ackerman S. An anticorruption reform strategy // *Mondes Development*. 1998. Vol.26. № 102. P.41–54; Cheng R.H.M. Moral education in Hong Kong: Confucian-parental, Christian-religious and liberal-civic influences // *Journal of Moral Education*. 2004. Vol.33. № 4. P.533–551; Peurala J. Assessing the corruption prevention measures and the bribery criminalisations in the finnish anti-corruption framework // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2011. Vol.19. № 4. P.319–362.

⁹Persson A., Rothstein B., Teorell J. Why anticorruption reforms fail-systemic corruption as a collective action problem // *Governance*. 2013. Vol.26. № 3.P.449–471.

политического и экономического характера создали качественно иные условия для осуществления коррупционных сделок. У государств появлялась возможность использовать широкий круг механизмов сдерживания коррупции в рамках новой институциональной системы. С другой стороны эта возможность могла и не быть использована из-за нестабильности на начальном этапе транзита. Изучение коррупционных процессов в государствах, проходивших процесс режимной трансформации, может позволить выявить основные факторы, обуславливающие объем коррупции и ее формы.

Таким образом, **актуальность** нашего исследования заключается в необходимости выявления факторов, определяющих объемы и формы коррупции в посткоммунистических государствах. Выявление этих факторов позволяет определить применимость антикоррупционных мер, а также оценить возможность использования существующих инструментов измерения коррупции применительно к посткоммунистическим государствам.

Проблема исследования

Исследования коррупции и смежных с ней предметных полей (захвата государства, рентоориентированного поведения бюрократов) можно разделить на три типа в зависимости от уровня анализа. К первому типу относятся исследования микроуровня, изучающие коррупционное поведение индивидов и фирм. Предметом изучения на микроуровне исследований коррупции являются формы коррупции и механизм заключения коррупционных сделок¹⁰. Исследуются сферы, области или рынки¹¹, однако не приводятся объяснений влияния внешних факторов, способствующих или препятствующих развитию коррупции. В исследованиях микроуровня анализа детально прорабатывается проблема *спроса на коррупцию*.

Работы макроуровня сосредоточены на исследовании коррупции и антикоррупционной политики на государственном и надгосударственном

¹⁰Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Seize the state, seize the day: State capture and influence in transition economies // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol.31. № 4.P.751–773; Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–29.

¹¹Broadman H.G., Recanatini F. Seeds of corruption - Do market institutions matter? // Most. 2001. Vol. 11, № 4. P. 359–392; Bliss C., Di Tella R. Does competition kill corruption? // Journal of Political Economy. 1997. Vol. 105, № 5. P. 1001–1023.

уровнях¹². Фокус на государстве позволяет детально изучить проблему *предложения коррупции*, но она понимается как экзогенный фактор функционирования государства.

Использование каждого из этих подходов имеет ограничения, главным из которых является невозможность оценить пределы развития коррупции в отдельно взятом государстве. Оценка эффективности антикоррупционных реформ на основе изучения только спроса или только предложения коррупции приводит к излишнему универсализму. Отдельные меры, доказавшие свою эффективность только в некоторых государствах со схожими условиями, начинают считаться «золотым стандартом» антикоррупционных реформ. Например, сингапурская или гонконгская модель.

Мезоуровень анализа дает возможность соотнести спрос (покупателей — фирм и индивидов) и предложение (продавцов — чиновников). Исследование на мезоуровне позволяет учесть как формальные ограничения (институты), создаваемые государством, так и действия индивидов и фирм. Иными словами, при использовании данного уровня анализа, мы получаем возможность выявить *каналы для коррупционного поведения* — коридоры возможностей, созданных в условиях несовершенства институциональной системы и позволяющих *осуществлять коррупционные сделки* без риска для продавца и покупателя быть пойманным и наказанным. Соответственно совокупность коррупционных сделок, совершаемая с использованием существующих каналов, является *коррупционным рынком*.

Мезоуровень коррупционных исследований, в отличие от макро и микро, представлен недостаточно широко¹³. К тому же, при выборе данного (равно как

¹²Meschi P.-X. Government corruption and foreign stakes in international joint ventures in emerging economies // Asia Pacific Journal of Management. 2009. Vol.26. № 2.P.241–261; International handbook on the economics of corruption / ed. by. S. Rose-Ackerman. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2007. 656 p; International handbook on the economics of corruption, volume two / ed. by S. Rose-Ackerman, T. Søreide. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2011. 624 p; Mauro P. Corruption and the composition of government expenditure // Journal of Public Economics. 1998a. Vol.69.№ 2.P.263–279; Idem. Corruption: causes, consequences, and agenda for further research // Finance and Development. 1998b. Vol.35.№ 1.P.11–14; Kim S., Kim H.J., Lee H. An institutional analysis of an e-government system for anti-corruption: The case of OPEN // Government Information Quarterly. 2009. Vol.26. № 1. P.42–50; Rose-Ackerman S. Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process // Archives Europeennes de Sociologie. 2001. Vol. 42. № 3.P. 526–570.

и любого другого) уровня анализа сохраняется проблема выявления коррупционных сделок и определения коррупционных каналов. Исследователь вынужден выбирать между индексами, основанными на экспертной оценке, которые могут предоставлять искаженные данные¹⁴ или непосредственным отслеживанием случаев коррупции, что крайне затратно и, учитывая скрытый характер многих сделок, даст заведомо неполную картину.

Возможность выявления случаев коррупции снижается при увеличении цены коррупционной сделки, поскольку все ее участники стремятся обезопасить себя и совершить сделку тайно. Так, наиболее сложной для выявления будет являться политическая коррупция. Тем не менее, возможность разрешить эту проблему существует при смещении фокуса исследования

Основной проблемой существующих работ мезоуровня исследования коррупции¹⁵ является невозможность выявить каждую коррупционную сделку. С одной стороны, существующие индикаторы коррупции представляют приблизительную экспертную оценку коррупции в стране. С другой стороны, отдельные виды коррупционных сделок выявить и оценить труднее, чем другие. Например, политическая коррупция с трудом поддается оценке из-за сложности ее непосредственной фиксации и ограничений. В целом, эта проблема мезоуровня может быть решена за счет смещения фокуса исследований с отдельных коррупционных сделок на *возможности* коррупционного поведения, то есть на изучение каналов коррупционного поведения.

¹³ Cornett M.M. et al. The impact of state ownership on performance differences in privately-owned versus state-owned banks: An international comparison // Journal of Financial Intermediation. 2010. Vol.19. № 1.P.74–94; Djankov S. et al. The regulation of entry // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol.117. № 1.P.1–37; Shleifer A. State versus private ownership. New York: National Bureau of Economic Research, 1998. 36 p.

¹⁴ Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P. Aggregating Governance Indicators: 2195. Washington D.C.: World Bank, 1999. 42 p.

¹⁵ Djankov S. et al. The regulation of entry // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117, № 1. P. 1–37; Cornett M.M. et al. The impact of state ownership on performance differences in privately-owned versus state-owned banks: An international comparison // Journal of Financial Intermediation. 2010. Vol. 19, № 1. P. 74–94; Shleifer A. State versus private ownership. New York: National Bureau of Economic Research, 1998. № 6665.36 p; Persson A., Rothstein B.B., Teorell J. Why anticorruption reforms fail-systemic corruption as a collective action problem // Governance. 2013. Vol. 26, № 3. P. 449–471.

Таким образом, **проблема исследования** – это отсутствие инструмента, выявляющего возможности функционирования коррупционных рынков за счет фиксации каналов коррупционного поведения.

Для этих целей мы будем использовать аналитическую модель коррупционных рынков. Изучение коррупционных проявлений, а также антикоррупционной политики государств указывает на то, что неуспешность реформ и рост коррупции связаны с «упущенным фактором» — конфигурацией возможностей для осуществления коррупционных сделок. Тип коррупционного рынка будет зависеть от набора факторов: (1) качества институтов — формирования, поддержания и обеспечения функционирования правил игры; (2) степени государственного регулирования — количества правил и степени спецификации (детализации); (3) охвата государственного регулирования — количества сфер общества, в которых ресурсы перераспределяются государством.

Конфигурация коррупционного рынка показывает, в каких сферах (бытовой, административной и политической) будет существовать спрос и/или предложение коррупции, а также будет определять возможность сдерживания коррупции.

Коррупционный рынок — надстройка над рынками товаров и услуг, позволяющая осуществлять облегченный (то есть с меньшими издержками) вход на рынок товаров и услуг для коррупционного покупателя (клиента), равно как и получать дополнительный доход, ренту для коррупционного продавца (агента).

В этой связи мы можем сформулировать *исследовательский вопрос*: Какие факторы определяют функционирование коррупционных рынков?

Научная разработанность проблемы

При том, что в сфере исследования коррупции накоплен существенный объем работ, степень проработанности вопроса взаимодействия индивидов, фирм и государства является недостаточной. Это связано с двумя проблемами.

Первая заключается в изменчивости форм и проявлений коррупции¹⁶. Вторая причина связана с имеющейся тенденцией к постепенному сужению предмета исследования. Исследования концентрируются на изучении коррупции в конкретной сфере¹⁷, или в конкретном случае¹⁸.

Кроме того, существующие результаты исследований коррумпированных не связаны друг с другом, поскольку задавались доминирующими трендами изучения, менявшимся примерно каждое десятилетие. Так, с ростом популярности коррупции как предмета исследований в 70х-годах XX века можно выделить несколько популярных подходов: исследования микроуровня коррупции с использованием теорий рационального и общественного выбора¹⁹; неоинституциональные исследования²⁰; исследования способов противодействия коррупции²¹; а также связи качества государственного управления (governance) и противодействия коррупции²².

Популярным направлением в отечественной науке остается формально-юридический подход, популярность которого Западе снизилась к концу XX века. В этом подходе коррупция понимается как криминальное явление²³.

¹⁶Johnston M. Corruption // *The Oxford Companion to Politics of the World* (2 ed.). Oxford: Oxford University Press, 2001. P.177; Andvig J.C., Moene K.O. How corruption may corrupt // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1990. Vol.13. № 1.P.63–76; Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. Op. cit.

¹⁷Chaudhuri S., Dastidar K.G. Corruption in a model of vertical linkage between formal and informal credit sources and credit subsidy policy // *Economic Modelling*. 2011. Vol.28. № 6.P.2596–2599; Chowdhury S.K. The effect of democracy and press freedom on corruption: An empirical test // *Economics Letters*. 2004. Vol.85. № 1. P.93–101; Fjeldstad O.H., Tungodden B. Fiscal corruption: A vice or a virtue? // *World Development*. 2003. Vol.31. № 8. P.1459–1467; Gong T. Forms and characteristics of China's corruption in the 1990s: Change with continuity // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. Vol.30. № 3. P.277–288; Rakodi C., Gatabaki-Kamau R., Devas N. Poverty and political conflict in Mombasa // *Environment and Urbanization*. 2000. Vol.12. № 1. P.153–170; Wang H., Rosenau J.N. Transparency international and corruption as an issue of global governance // *Global Governance*. 2001. Vol.7. № 1. P.25–49.

¹⁸Нисневич Ю.А. Противодействие коррупции: феномен Словении // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Vol. 60, № 3.P. 36–48; Rusu A. A Diagnosis Of Corruption In Latvia. Berlin: Hertie School of Governance, 2010. 27 p; Persson A., Rothstein B.B., Teorell J. Op. cit.

¹⁹Diamond L. Class formation in the swollen African state. // *Journal of Modern African Studies*. 1987. Vol.25. № 4.P.567–596; Persson A., Rothstein B.B., Teorell J. Op. cit.

²⁰Acemoglu D., Verdier T. Property rights, corruption and the allocation of talent: A general equilibrium approach // *Economic Journal*. 1998. Vol.108. № 450.P.1381–1403; Iidem. The choice between market failures and corruption // *American Economic Review*. 2000. Vol.90. № 1.P.194–211.

²¹Jenkins R., Goetz A. Accounts and accountability: Theoretical implications of the right-to-information movement in India // *Third World Quarterly*. 1999. Vol.20. № 3.P.603–622; Iidem. Constraints on civil society's capacity to curb corruption: Lessons from the Indian experience // *IDS Bulletin*. 1999. Vol.30. № 4.P.39–49.

²²Dahlström C., Lindvall J., Rothstein B. Corruption, Bureaucratic Failure and Social Policy Priorities // *Political Studies*. 2013. Vol.61. № 3.P.523–542; Persson A., Rothstein B., Teorell J. Op. cit.

²³Fabre G. State, corruption, and criminalisation in China // *International Social Science Journal*. 2001. Vol.53. № 169. P.459–465; Карабанов А.Л. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и

Отметим, что в логике данного подхода отсутствие криминализации коррупции, либо частичная криминализация будет означать ее фактическое отсутствие. Данный подход часто используется органами государственной власти в официальной статистике. В ней упоминаются только заявленные случаи коррупции, возбужденные следственные и/или судебные производства по фактам коррупции.

Из массива коррупционных исследований, мы можем выделить четыре направления, затрагивающие тему данного исследования.

Первое — фундаментальные работы, описывающие влияние коррупции на различные аспекты функционирования государства²⁴. Наиболее проработанным здесь является изучение связи коррупции с политическими (включающими институциональные) и экономическими факторами²⁵.

Второе направление — изучение опыта противодействия коррупции. Обзор «историй успеха» полезен для выявления механизмов и особенностей отдельных антикоррупционных реформ²⁶. Однако опыт Сингапура²⁷,

криминологический аспекты: WoltersKluwerRussia, 2010. 185 с.; Лунеев В. Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции. Москва: WoltersKluwerRussia, 2005. Вып. Изд. 2-е., 912 с.

²⁴Andvig J.C., Moene K.O. How corruption may corrupt // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1990. Vol.13. № 1. P.63–76; Ades A., Tella R. Di. The causes and consequences of corruption: A review of recent empirical contributions // *IDS Bulletin*. 1996. Vol.27. № 2. P.6–11; Friedrich C. Corruption concepts in historical perspective // *Political corruption: Concepts and contexts* / под ред. A. Heidenheimer, M. Johnston. New Brunswick: Transaction publishers, 2002. 3 ed. P.15–23; Rose-Ackerman S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 284 p; *Political corruption: Concepts and contexts* / ed. by A. Heidenheimer, M. Johnston. New Brunswick: Transaction publishers, 2002. 3 ed. 970 p.

²⁵Acemoglu D., Verdier T. The choice between market failures and corruption // *American Economic Review*. 2000. Vol.90. № 1. P.194–211; Rose-Ackerman S. Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process // *Archives Europeennes de Sociologie*. 2001. Vol.42. № 3. P.526–570; Kunicová J., Rose-Ackerman S. Electoral rules and constitutional structures as constraints on corruption // *British Journal of Political Science*. 2005. Vol.35. № 4. P.573–606; Rose-Ackerman S. The economics of corruption // *Journal of Public Economics*. 1975. Vol.4. № 2. P.187–203.

²⁶Basu K., Bhattacharya S., Mishra A. Notes on bribery and the control of corruption // *Journal of Public Economics*. 1992. Vol.48. № 3. P.349–359; Basu K., Bhattacharya S., Mishra A. Notes on bribery and the control of corruption // *Journal of Public Economics*. 1992. Vol.48. № 3. P.349–359; Jenkins R., Goetz A. Accounts and accountability: Theoretical implications of the right-to-information movement in India // *Third World Quarterly*. 1999. Vol.20. № 3. P.603–622; Snell R., Chak A., Chu J. Codes of ethics in Hong Kong: Their adoption and impact in the run up to the 1997 transition of sovereignty to China // *Journal of Business Ethics*. 1999. Vol.22. № 4. P.281–309.

²⁷Ali M. Eradicating corruption—the Singapore experience // *The Seminar on International Experiences on Good Governance and Fighting Corruption*. Thursday, February 17, 2000. Bangkok: P.9; Low L. The Singapore developmental state in the new economy and polity // *Pacific Review*. 2001. Vol.14. № 3. P.411–441; Maitland E. Corruption and the outsider: Multinational enterprises in the transitional economy of Vietnam // *Singapore Economic Review*. 2001. Vol.46. № 1. P.63–82; Quah J.S.T. Combating corruption in Singapore: What can be learned? // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2001. Vol.9. № 1. P.29–35; Wodak A. Injecting nation: Achieving control of hepatitis C in Australia // *Drug and Alcohol Review*. 1997. Vol.16. № 3. P.275–284.

Гонконга²⁸, или Перу²⁹, остаются именно опытами данных стран, которые могут работать только в схожих контекстах.

Третье направление — поиск и разработка инструментария для измерения коррупционных явлений. К этому направлению, кроме существующих индексов, относятся работы, в которых предпринимаются попытки выявить связь коррупционной динамики с различными факторами³⁰. Несмотря на математически обоснованную значимость выявляемых связей, выводы авторов могут быть не вполне оправданы. Причина этого в том, что в работах применяется перегруженный смыслами концепт коррупции, либо выводы делаются на основе изучения только спроса или предложения.

К четвертому направлению относятся работы, критически переосмысляющие положение вещей в сфере коррупционных исследований. Основной предпосылкой для формирования данного направления стало наличие пробелов в объяснительных конструктах, а также постепенное сужение предмета исследования³¹. Возникновение данного направления свидетельствует о все меньшей объяснительной способности существующих подходов.

Тем не менее, из анализа литературы можно выделить концептуальные основания аналитической модели коррупционных рынков³², которая используется в данной работе.

²⁸Graycar A. Corruption: Classification and analysis // *Policy and Society*. 2015. Vol.3. № 2. P.87–96; Humphrey M., Valverde E. Human rights, victimhood, and impunity : An anthropology of democracy in argentina // *Social Analysis*. 2007. Vol.51. № 1. P.179–197; Kumar C. Human Rights Approaches of Corruption Control Mechanisms - Enhancing the Hong Kong Experience of Corruption Prevention Strategies // *San Diego International Law Journal*. 2004. Vol.5. № 323. P.323–331; Lo J. Controlling corruption in Hong Kong: From colony to special administrative region // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2001. Vol.9. № 1. P.21–28; Tsui-Auch L. Has the Hong Kong model worked? Industrial policy in retrospect and prospect // *Development and Change*. 1998. Vol.29. № 1. P.55–78.

²⁹ Calderon Navarro N. Fighting Corruption: The Peruvian Experience // *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol.4. № 3. P.488–509; Arruda M.C. De. Business ethics in Latin America // *Journal of Business Ethics*. 1997. Vol.16. № 14. P.1597–1603.

³⁰ Gupta S., Mello L. De, Sharan R. Corruption and military spending // *European Journal of Political Economy*. 2001. Vol.17. № 4. P.749–777; Djankov S. et al. The regulation of entry // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol.117. № 1. P.1–37; Gylfason T. Nature, power, and growth // *Scottish Journal of Political Economy*. 2001. Vol.48. № 5. P.558–588; Idem. Resources, agriculture, and economic growth in economies in transition // *Kyklos*. 2000. Vol.53. № 4. P.337–361; Svensson J. Eight questions about corruption // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol.19. № 3. P.19–42.

³¹Williams R. New concepts for old? // *Third World Quarterly*. 1999. Vol.20. № 3. P.503–513; Persson A., Rothstein B., Teorell J. Op. cit.; Treisman D. What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research? // *Annual Review of Political Science*. 2007. Vol.10. P.211–244.

³²Correa H. A comparative study of bureaucratic corruption in Latin America and the U.S.A. // *Socio-Economic Planning Sciences*. 1985. Vol.19. № 1. P.63–79; Schopf J. An explanation for the end of political bank robbery in the Republic of Korea: The T + T model // *Asian Survey*. 2001. Vol.41. № 5. P.693–715; Dey H.K. The genesis and spread

Объект исследования: коррупционные рынки в посткоммунистических странах Европы

Предмет исследования: факторы функционирования коррупционных рынков в посткоммунистических странах Европы

Цель: Выявление факторов функционирования коррупционных рынков.

Задачи:

1. Провести концептуализацию понятий «коррупция», «захват государства», «коррупционный рынок», «коррупционный канал», «коррупционное поведение», требуемых для разработки аналитической модели коррупционного рынка.

2. Проанализировать массив исследований коррупции и смежных предметных полей для выявления основных подходов к изучению рассматриваемого явления.

3. Разработать аналитическую модель коррупционного рынка и выделить ее основные индикаторы и возможные типы рынков.

4. На основе выбранных индикаторов провести операционализацию составляющих индекса (Индекса Уязвимости) и провести его построение.

5. Проанализировать основные тенденции в развитии коррупционных рынков в посткоммунистических странах Европы, используя Индекс Уязвимости.

6. Сравнить динамику построенного индекса с результатами других эмпирических исследований по выбранным странам и объяснить причины расхождения результатов.

of economic corruption: A microtheoretic interpretation // World Development. 1989. Vol.17. № 4. P.503–511; Shleifer A. et al. Op. cit.; Broadman H.G., Reccatini F. Seeds of corruption - Do market institutions matter? // Most. 2001. Vol.11. № 4. P.359–392; Bliss C., Tella R. Di. Op. cit.; Alam M.S. Some economic costs of corruption in LDCs // Journal of Development Studies. 1990. Vol.27. № 1. P.89–97; Rose-Ackerman S. Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process // Archives Europeennes de Sociologie. 2001. Vol.42. № 3. P.526–570; Djankov S. et al. Op.cit; Aidt T. Corruption, institutions, and economic development // Oxford Review of Economic Policy. 2009. Vol.25. № 2.P.271–291; Kolstad I., Wiig A. Is Transparency the Key to Reducing Corruption in Resource-Rich Countries? // World Development. 2009. Vol.37. № 3. P.521–532; Lambsdorff J.G. Corruption and rent-seeking // Public Choice. 2002a. Vol.113. № 1-2. P.97–125; Leon P. De, Green M.T. Chapter 31. Corruption and the new public management // Learning from International Public Management Reform: Part B (Research in Public Policy Analysis and Management, Volume 11 Part 2). Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2001. P.615–642; Svensson J. Who must pay bribes and how much? Evidence from a cross section of firms // Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol.118. № 1.P.207–230; Tambulasi R. All that glitters is not gold: New public management and corruption in Malawi's local governance // Development Southern Africa. 2009. Vol.26. № 2. P.173–188.

Методология исследования

Основным подходом, используемым в данной работе, выступает неoinституционализм, позволяющий фиксировать как формально закрепленные правила игры, так и неформальные правила. При исследовании коррупционных процессов важно учитывать именно последние, поскольку при слабых формальных институтах наибольший вес могут иметь именно неформальные правила игры, определяющие коррупционный рынок. Важной является предпосылка об ограниченной рациональности поведения актора. Это ограничение основано на наличии у актора информации и оценке им издержек, связанных с риском быть пойманным и подвергнутым наказанию за коррупционную сделку.

Для объяснения причин возникновения коррупции в каждом из типов коррупционного рынка используется классическая модель совокупного спроса и предложения, разработанная Джоном Мейнардом Кейнсом³³, концепция «good enough governance»³⁴ и принципал-агент-клиентская модель³⁵.

Эмпирическая часть диссертации опирается на метод многомерного статистического анализа — метод главных компонент. Мы используем его для измерения возможности возникновения коррупции в каждом из государств выборки.

Для объяснения динамики коррупционных рынков и построенного Индекса Уязвимости нами используется метод сравнительного анализа и контекстуального анализа, позволяющего объяснить особенности функционирования коррупционного рынка и выявить факторы, влияющие на его трансформацию.

Эмпирическая база исследования

³³Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. Москва: Эксмо, 2007. 960 с.

³⁴Grindle M.S. Good Enough Governance Revisited // *Development Policy Review*. 2007. Vol.25. № 5.P.533–574; Eadem. Good Enough Governance: Poverty Reduction and Reform in Developing Countries // *Governance*. 2004. Vol.17. № 4.P.525–548.

³⁵Groenendijk N. A principal-agent model of corruption // *Crime, Law and Social Change*. 1997. Vol.27. № 3/4. P.207–229.

Для анализа будут использованы следующие посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы (14 государств): Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, БЮР Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония. Босния и Герцеговина, а также Черногория исключаются в связи с отсутствием данных по ним и поздним выделением их в самостоятельные государства.

Временные рамки исследования: 1996-2010 года. Выбор данного периода обусловлен тем, что к началу периода процесс демократического транзита был фактически завершен — государства были способны исполнять свои функции в полной мере, и коррупционный рынок нового, отличного от предыдущего, типа уже сложился. Первые годы существования нового государства определяют тип его коррупционного рынка на последующие годы.

Для создания базы данных для построения Индекса Уязвимости были использованы данные, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет: (1) База данных качества институтов (Institutional quality database)³⁶, (2) Индикаторы качества государственного управления стран мира (Worldwide governance indicators, WGI)³⁷.

Научная новизна работы

1. Проведена концептуализация и актуализация понятий «коррупция», «захват государства», «коррупционный канал», «коррупционное поведение», «коррупционный рынок», позволяющая уточнить данные понятия с точки зрения предмета данного диссертационного исследования.

2. Для изучения факторов осуществления коррупционных сделок предложена аналитическая модель коррупционного рынка, опирающегося на фиксацию возможностей для заключения коррупционных сделок.

3. Создана новая типология коррупционных рынков, зависящих от степени выраженности в них каждого из трех факторов — качества институтов

³⁶Kuncic A. Institutional Quality Database. Kiel: Kiel Institute for the World Economy, 2012. 25 p; Idem. Institutional Quality Dataset 1990 - 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://sites.google.com/site/aljazkuncic/research/institutional_quality_dataset%28March%2013%29.pdf?attredirects=0&d=1 (дата обращения: 12.03.2016).

³⁷World Bank. Worldwide Governance Indicators [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 26.03.2016).

(формирование, поддержание и обеспечение функционирования правил игры), степени государственного регулирования (количество и степень детализации правил игры) и охвата государственного регулирования (количество сфер общественной жизни, в которых государство осуществляет перераспределение ресурсов). К каждому из восьми типов коррупционного рынка предложено описание характера коррупционного рынка, его типа, сфер распространения коррупции

4. Предложен инструмент измерения возможности возникновения коррупции в государстве — Индекс Уязвимости. При построении Индекса были учтены существующие в других индексах недостатки — субъективность оценок, реагирование на медийную повестку дня, отсутствие фиксации политической коррупции.

5. Индекс Уязвимости выявляет тип коррупционного рынка, который, в свою очередь, определяет границы применимости антикоррупционных мер. Импортрование «лучших практик» может привести к отсутствию результата по причине неприменимости мер в существующем контексте. Важную роль в процессе противодействия коррупции играет диагностика текущей ситуации. Определение типа рынка, особенностей его функционирования может выступать в роли инструмента диагностики, что позволит определить эффективное направление антикоррупционной политики.

6. На основе сравнения построенного Индекса Уязвимости и Индекса Восприятия Коррупции (ИВК) исследований выявлены и объяснены расхождения динамики индексов для каждого из государств. Они свидетельствуют о чувствительности ИВК к медийной повестке дня, а не к реальным результатам антикоррупционных реформ. Выявлена ограниченность применимости ИВК к оцениванию реального распространения коррупции.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Проведенная на основе анализа литературы концептуализация позволила систематизировать используемые понятия и также выявить основные тенденции в изучении коррупции и противодействия ей. Подходы к

исследованию коррупции, основанные на изучении ее проявлений, ограничены, так как зафиксировать и изучить все проявления коррупции, особенно политической, невозможно.

2. Для изучения коррупции сформулирован подход мезоуровня, опирающийся на выявление возможностей для заключения коррупционных сделок. Сформулированный подход использует модель коррупционного рынка, «надстройки» над рынком товаров и услуг, подчиняющейся законам спроса и предложения. В основе модели коррупционных рынков лежат три фактора: качество институтов, степень государственного регулирования и охват государственного регулирования.

3. В зависимости от степени выраженности (на оси «минимальная выраженность – «максимальная выраженность») каждого фактора коррупционного рынка выделяются восемь идеальных типов рынков, в каждом из которых существует специфическая конфигурация возможностей для заключения коррупционных сделок. Первые четыре типа (А-Д) относятся к развитым коррупционным рынкам — в них коррупция разрастается за счет высокого предложения. Вторая группа типов (Е-Н) обладает качественными институтами, ограничивающими предложение коррупции. Отдельно стоит отметить последние два типа, характерные для развитых государств с устойчивыми качественными институтами — тип минимального государства (G) и тип европейского социального государства (H). Коррупционные рынки этих моделей являются минимальными в силу ограниченных возможностей заключения коррупционных сделок (единственное исключение — сохраняющиеся возможности для политической коррупции).

4. Индекс Уязвимости позволяет оценить уязвимость государства к возникновению коррупции и, соответственно, к расширению коррупционного рынка: чем ниже значение индекса, тем более развитым является коррупционный рынок. Соотнесение значений индекса с типом рынка позволяет выявить основные факторы, влияющие на функционирование рынка.

5. Проведенный анализ позволил выявить ряд факторов, оказывающих влияние на изменение коррупционного рынка: (1) фактор вступления в Европейский союз или членства в Европейском союзе, (2) фактор организованной преступности (Венгрия, Латвия), (3) политическая нестабильность, (4) популистская политика, (5) попытка захвата государства или определенной сферы, (6) наличие в государстве свободных СМИ, (7) позднее принятие антикоррупционных реформ. При этом, часть антикоррупционных инструментов предлагаемых к внедрению в качестве эталонных образцов неэффективны, хотя система горизонтальной подотчетности способна сдерживать развитие коррупционного рынка.

6. Использование Индекса восприятия коррупции, являющегося наиболее цитируемым индексом, для оценки распространенности коррупции является не вполне обоснованным. На примере проанализированных государств выявлено, что Индекс восприятия коррупции оценивает степень осведомленности граждан о коррупции. Этот индекс не делает различий между разными видами коррупционных рынков. Поэтому Индекс восприятия коррупции может принимать сходные значения для государств с эффективной и с неэффективной антикоррупционной политикой (Македония, Латвия).

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы заключается в разработке аналитической модели коррупционного рынка, опирающейся на систематизированный концепт коррупции. Модель изменяется в зависимости от качества институтов, степени и охвата государственного регулирования. Предложенный подход в дальнейшем может расширяться в следующих направлениях: (1) увеличение числа рассматриваемых факторов и (2) увеличение числа рассматриваемых кейсов. В результате проведения большего по объему исследования возможно дальнейшее уточнение модели в части диверсификации влияния факторов на каждый из типов коррупции.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что разработанная модель коррупционных рынков и Индекс Уязвимости позволяют

оценивать коррупционную динамику государств не на основе восприятия коррупции экспертами, а на основе возможностей заключения коррупционных сделок. Использование модели коррупционного рынка позволяет (1) определить наиболее уязвимые сферы, в которых может возникать коррупция; (2) оценить пределы спроса и предложения в различных сферах коррупции. Использование Индекса Уязвимости позволяет (1) оценить пределы распространения коррупции в государстве и (2) оценить среднесрочный и долгосрочный эффект антикоррупционных реформ. Созданный индекс может также применяться для определения эффективных антикоррупционных мер для отдельных государств.

Апробация результатов

Результаты диссертационного исследования отражены в 7 публикациях автора (в том числе в соавторстве), общим объемом 10 п.л. (из них личный вклад автора — 5,35 п.л.). 4 статьи из данного списка опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Результаты диссертационного исследования были также апробированы на следующих научных конференциях:

1. XII Международная научная конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения» (16 декабря 2011 г., Москва, ИНИОН РАН). Тема доклада: «Антикоррупционные инструменты в РФ: проблемы и пути совершенствования».
2. XVI Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества» (8 апреля 2015 г., Москва, НИУ ВШЭ). Тема доклада: «Коррупционные рынки».
3. XIII Международная конференция «Государственное управление: Российская Федерация в современном мире» (29 мая 2015 г., Москва, МГУ). Тема доклада: «Коррупционные рынки».

4. European Consortium for Political Research General Conference 2015 (29 августа 2015 года, Монреаль, Канада, Университет Монреаля). Тема доклада: «Corruption Markets: Theory, Types and Dynamics».
5. 2015 Annual Conference of the Comparative European Politics Specialist Group of the Political Studies Association «Toward a Broader Discipline: Russia, Europe and New Possibilities For The Study of Comparative European Politics» (19 ноября 2015, г. Москва, МГУ). Тема доклада: «Types and Transformations of Corruption Markets or Why Effective Anticorruption Measures Fail in Developing Countries?».
6. XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (19 апреля 2016 г., Москва, НИУ ВШЭ) Тема доклада: «Сравнение коррупционных рынков в посткоммунистических странах Европы: новый подход к измерению политической коррупции».

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав (по три, три и четыре параграфа соответственно), заключения и шести приложений.

II. Основное содержание диссертационного исследования

Во введении ставится проблема исследования и обосновывается ее актуальность. Предложен обзор степени научной разработанности темы. Выделяется объект и предмет исследования. Ставятся цель и задачи, обосновывается применение методологии. Обсуждается научная новизна исследования, теоретическая и практическая значимость исследования и положения, выносимые на защиту.

В первой главе «*Концептуализация понятия коррупции*» проводится концептуализация основных понятий, которые используются в диссертации: «коррупция», «коррупционный канал», «коррупционное поведение», «захват государства». Рассматриваются три уровня исследований коррупции: макроуровень, сосредотачивающийся на изучении деятельности государства и

его влияния на сдерживание или разрастание коррупции, микроуровень, исследующий коррупционное поведение индивидов и фирм, и, наконец, мезоуровень, позволяющий объединить результаты предыдущих два в понятие коррупционной сделки. Объясняется механизм коррупционной сделки, описывается сторона спроса и предложения, предмет, формы и средства совершения сделки.

Первый параграф первой главы «Коррупция – существующие проблемы определения» посвящен решению проблемы сущностной оспариваемости понятия коррупции. На основе анализа истории понятия и существующих определений проводится кластерный анализ понятия. В соответствии с моделью концептуализации Адкока и Коллиера³⁸ приводится определение базового и систематизированного концепта. Первое является максимально широким: «Коррупция — класс явлений, выражающихся в неправомерном извлечении выгоды акторами в собственных интересах, либо в интересах третьих лиц (или организаций), равно как и в подкупе данных лиц³⁹. Явления обладают негативным характером, поскольку способствуют увеличению непрозрачности, неопределенности и деформации институциональной системы. Коррупция способна адаптироваться к любым институциональным условиям и самовоспроизводиться в институциональных системах».

Второе, систематизированное определение создано в соответствии с выбранным исследовательским подходом. Коррупция определяется как совокупность коррупционных сделок, заключаемых на коррупционном рынке.

Второй параграф первой главы «Смежные понятия» посвящен определению понятий «коррупционное поведение», «коррупционный канал» и двух других, наиболее часто используемых в исследованиях коррупции — «захват государства» и «коррупционное поведение». Коррупционное поведение

³⁸ Adcock R., Collier D. Measurement Validity: A Shared Standard for Qualitative and Quantitative Research // The American Political Science Review. 2001. Vol.95. № 3. P.529–546.

³⁹ Воробьев А.Н. Антикоррупционные инструменты в РФ: проблемы и пути совершенствования // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. / под ред. П. Ю.С. Москва: ИНИОН РАН, 2012. С. 129–135.

определено как поведение индивида, предпринимающего действия для совершения коррупционной сделки (как лично, так и в рамках фирмы). Коррупционный канал — коридор возможностей, который создается в силу несовершенства институциональной системы и позволяет совершать сделки без риска быть пойманным и наказанным. Коррупционные каналы также могут создаваться в результате дисфункции институциональной системы, если уже был запущен механизм самовоспроизводства коррупции, который исказил существующие правила игры.

Кроме предлагаемых определений, в параграфе концептуализируется понятие захвата государства, которое на сегодняшний день остается непроработанным. Предлагается разделить данное понятие на **захват-процесс** и **захват-состояние**. В процессе захватывания выделяются две стадии. Первая заключается в форматировании фирмами конкуренции через влияние на формирование правил игры с помощью разовых платежей или через теневой лоббизм, при этом политическая сфера искажается в пользу удержания власти. Во второй стадии разовые проявления коррупции закрепляются и систематизируются, что сопровождается разрастанием административной и политической коррупции. В случае если коррупция не сдерживается, происходит захват государства (захват-состояние), при котором государство и государственная система становятся инструментом извлечения ренты.

Третий параграф первой главы «Коррупционная сделка» посвящен анализу механизма коррупционной сделки — неправомерной договоренности, с целью получения выгоды (любого характера) для себя или третьих лиц. Приводятся факторы спроса и предложения сделки. Среди них выделяется группа факторов, связанная с качеством управления (governance). В нее входят институциональные факторы, возможности государства по контролю над государственными служащими — подотчётность и степень вмешательства государства в сферы жизнедеятельности общества. Объясняется механизм заключения коррупционных сделок для трех видов коррупции (бытовой,

административной и политической) политической; формы и средства заключения сделок.

Во второй главе *«Аналитическая модель коррупционных рынков»* осуществляется построение используемой в диссертации модели, объясняется механизм функционирования коррупционного рынка и приводится анализ возможных 8 типов коррупционных рынков.

Первый параграф второй главы *«Концептуальные и методологические основания для изучения коррупционных рынков»* посвящен обсуждению возможностей применения теории good enough governance, модели совокупного спроса и предложения и принципал-агент-клиентской модели к анализу коррупционных рынков.

Во втором параграфе второй главы *«Применение модели коррупционных рынков»* объясняются возможности применения теории среднего уровня для анализа коррупционных рынков и объясняется механизм функционирования коррупционного рынка.

Предложенный подход опирается на экономические категории спроса и предложения, используемые как эндогенные переменные. В качестве экзогенных определяются переменные политического характера. Это обуславливает главное отличие предлагаемого подхода от других, которые понимают коррупцию как независимую переменную или объясняют коррупционную динамику за счет экономических факторов. Определяются три фактора коррупционного рынка: качество институтов, степень и охват государственного регулирования. Для каждой из компонент коррупционного рынка описывается ее влияние (при минимальной и максимальной выраженности) на тип рынка и на распространение коррупции по сферам.

Коррупционный рынок является надстройкой над рынками товаров и услуг, позволяющий осуществлять индивидам и фирмам облегченный вход на рынок, а чиновникам — получать дополнительный доход. Рынок расширяется при падении качества институтов, расширении охвата государственного регулирования, снижении степени регулирования. В этих условиях у продавца

появляется возможность получения дополнительного дохода, поскольку увеличивается число коррупционных каналов и средний размер взятки (стоимость сделки). При неконтролируемом росте коррупции происходит переход к захватыванию государства, а коррупция начинает интегрироваться в рынки товаров и услуг.

Основным фактором сдерживания коррупции является системы подотчетности. Объясняется функционирование этого механизма в различных условиях

В третьем параграфе второй главы «Типы и динамика коррупционных рынков» описываются восемь выделенных в рамках аналитической модели типов коррупционных рынков: по количеству комбинаций степеней выраженности трех факторов коррупционного рынка. Каждый фактор коррупционного рынка отображен на оси: «Качество институтов» (КИ), «Охват государственного регулирования» (ОР), «Степень государственного регулирования» (СР) и может иметь максимальную или минимальную выраженность.

Предложенные типы разделяются на две группы. В первую входят типы А, В, С, D (Рисунок 1). Низкое качество институтов в этих типах коррупционных рынках препятствует эффективной борьбе с коррупцией. Вторая группа – это типы Е, F, G, H (Рисунок 2), в которых возможно успешное сдерживание коррупции. Особо выделяются типы G и H — коррупционный рынок в них минимален.

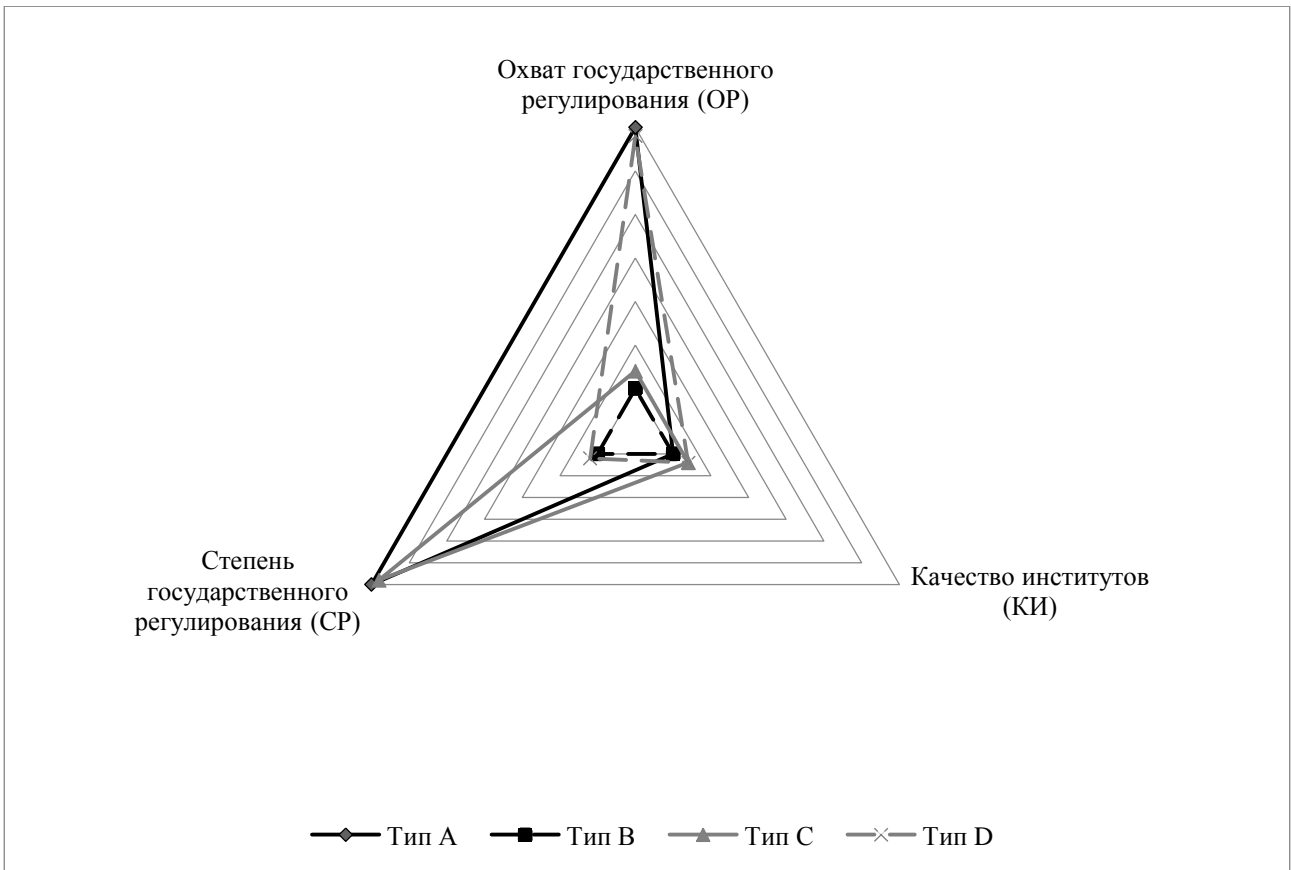

Рисунок 1. Типы А-Д аналитической модели коррупционных рынков.

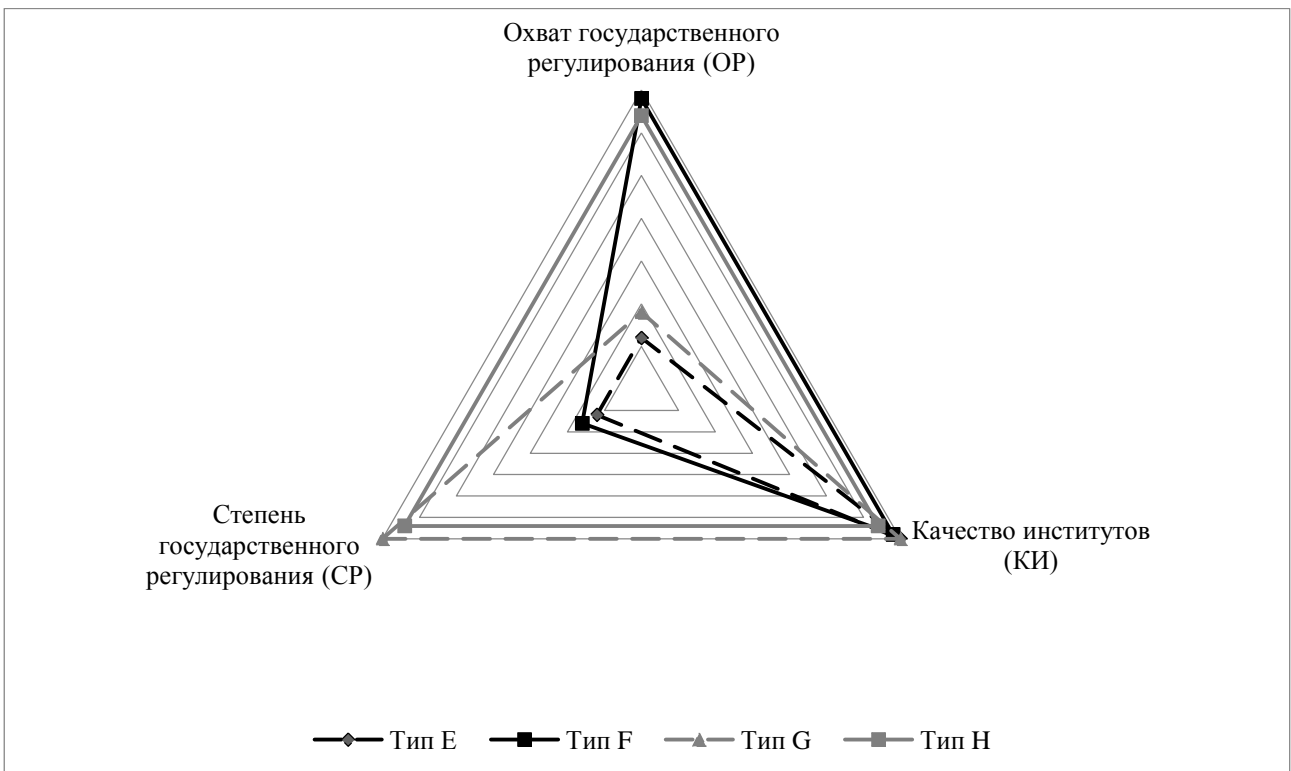

Рисунок 2. Типы Е-Н аналитической модели коррупционных рынков.

Для каждой модели предложено описание, в котором определен тип рынка (продавца или покупателя), относительный объем и сферы распространения коррупции, степень угрозы захвата государства и возможности функционирования системы подотчетности.

Выделены факторы первого порядка, влияющие на трансформацию рынков: государство-рантье, популистская политика, «государство всеобщего благоденствия», сокращение государственных расходов /новое государственное управление (New Public Management, NPM). Делается вывод о том, что качественные институты не во всех случаях способны сдерживать коррупцию, поскольку охват и степень регулирования также имеют значение.

В третьей главе *«Эмпирическое исследование уязвимости государств к коррупции»* объясняются принципы построения Индекса Уязвимости, проводится операционализация индикаторов. По результатам построения индекса проводится анализ рынков каждого из 14 исследуемых государств. Динамика индекса сравнивается с динамикой Индекса восприятия коррупции (ИВК). В заключительной части главы формулируются выявленные в ходе анализа государств тенденции и факторы, влияющие на возможности осуществления совокупности коррупционных сделок — объем коррупционного рынка.

В первом параграфе третьей главы *«Ограничения использования современного инструментария оценивания коррупции»* рассматриваются основные подходы к оцениванию коррупционной динамики. Делается вывод об ограниченной возможности существующих показателей фиксировать политическую коррупцию. Также выявляется крайне высокая чувствительность индексов Transparency International к медийной повестке дня.

Во втором параграфе третьей главы *«Показатели Индекса Уязвимости и методика его создания»* проводится операционализация показателей для каждой из трех составляющих индекса, выбираются источники данных. Задача построения индекса решается с помощью метода главных компонент, который

снижает размерность анализируемого пространства измеряемых признаков с минимальной потерей информации.

Третий параграф третьей главы *«Результаты построения индекса. Оценка динамики и типа коррупционных рынков»* посвящен анализу динамики коррупционных рынков выбранных государств. Динамика построенного индекса соотносится с динамикой Индекса восприятия коррупции.

Выявляется, наиболее распространенный тип — стремящийся к Н, характерный для европейских государств с выраженной веберийской традицией управления. К данной модели принадлежат все государства кроме Албании (D), Болгарии (A), БЮР Македонии (D), Румынии (F), Сербии (E, стремящаяся к Н) и Словении (G). Во всех кроме последней наблюдается рынок большого объема с избыточным предложением коррупции (за счет низкого качества институтов и низкой степени государственного регулирования).

Словения представляет собой уникальный среди рассматриваемых стран тип рынка, характерный для типа G. Это модель с минимально возможным коррупционным рынком, ограниченным относительно высоким качеством институтов и степенью государственного регулирования при относительно небольшом охвате государственного регулирования.

или определенной сферы, (6) наличие в государстве свободных СМИ, (7) позднее принятие антикоррупционных реформ. Факторы 1 и 6 позволяют сжимать коррупционный рынок, в то время как 2, 3, 4, 5, 7 способствуют росту коррупции.

В заключении кратко формулируются основные результаты диссертационного исследования. Делается вывод о неэффективности применения навязываемых международным сообществом универсально рекомендуемых антикоррупционных мер. Опровергается тезис об исключительной роли формальных институтов в сдерживании коррупции, поскольку на коррупцию способны оказывать влияние и не институциональные факторы. Обоснован тезис о наличии умеренной связи политического режима и объема коррупционного рынка. Это указывает на важность учета именно факторов качества управления (governance), а не типа и особенностей политического режима.

В Приложениях представлены таблицы определений коррупции, типов аналитической модели коррупционных рынков, с кодами стран, результаты вычисления интегрального индекса уязвимости к коррупции, непосредственно использованный массив данных, а также результаты корреляционного анализа Индекса восприятия коррупции и Индекса Уязвимости, Индекса уязвимости и индекса Polity IV.

Ш. Список публикаций по теме диссертации

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ:

1. Воробьев А.Н. «Захват государства»: качество институтов и режимные деформации (Поиск подхода и операционализация) // *Общественные науки и современность*. 2014. № 5. С. 76-87 – 1 п.л.

2. Воробьев А.Н. Функционирование системы подотчетности в посткоммунистических государствах: концептуальные рамки и индикаторы // *Политическая наука*. 2014. № 3. С. 60-84 – 1 п.л.

3. Воробьев А.Н., Васильева В.М. Коррупционные рынки // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2015. № 2. С. 78-96 – 1,5 п.л. (авторский вклад – 0,75 п.л.).

4. Воробьев А.Н., Васильева В.В. Теория коррупционных рынков // *Политическая наука*. 2015. № 2. С. 232-252 – 1,25 п.л. (авторский вклад – 0,6 п.л.).

Работы, опубликованные автором в других изданиях:

5. Vasileva V.M., Vorobyev A.N. Corruption Markets: An Analytical Framework for Assessing Anti-Corruption Campaigns / Working papers by NRU Higher School of Economics. Series PS «Political Science». 2014 – 1,5 п.л. (авторский вклад – 0,75 п.л.).

6. Ильин М.В., Убоженко И.В., Воробьев А.Н., Иванов Е.А., Порецкова А.А., Самородова А.В. Концепт подотчетности в английских и русских политических дискурсах / Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ». М.: ИД НИУ ВШЭ, 2014 – 3 п.л. (авторский вклад – 0,5 п.л.).

7. Воробьев А.Н. Антикоррупционные инструменты в РФ: проблемы и пути совершенствования // В кн.: *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 7. Ч. 2* / Отв. ред.: Ю. Пивоваров. Ч. 2. Вып. 7. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 129-135 – 0,75 п.л.

Лицензия ЛР № 020832 от «15» октября 1993 г.
Подписано в печать «__» августа г. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1.
Тираж 100 экз. Заказ №__ Типография НИУ ВШЭ,
125319, г. Москва, Кочновский пр-д., д. 3.